

Лазариди С.А. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из актуальных направлений в языкознании являются исследования соотношений формально-грамматического и семантического содержания в категории рода имен существительных. Стоит отметить, что исследователи грамматической категории (ГК) рода имени существительного много внимания уделили ее генезису и эволюции (К.Бругман, Я.Гримм, А.А.Потебня, А.Мейе, О.Н.Трубачев и др.), определению связи значения слова и его рода, соотношению грамеммы и внешней формы существительного (Р.Якобсон).

Существуют исследования, посвященные ГК рода существительного в германских, славянских языках, в том числе русском, украинском, а также и в греческом (О.Ревзина, И.Г.Матвиев, И.К.Кучеренко, С.Ф.Самойленко, А.В.Бондарко, А.А.Загнитко, М.Рожавин, Х.Хараламбакис).

Однако, из-за «относительной молодости» современной грамматической науки в области греческого языкознания, категория рода имени существительного в новогреческом языке еще не стала объектом всестороннего исследования, результаты которого могли бы найти применение при чтении курсов синтаксиса, морфологии современного новогреческого литературного языка, основ культуры речи и стилистики, вузовских спецкурсов по теоретической грамматике и т.д.

Для теоретического освещения данной проблемы необходимо решить одну из задач, связанную с анализом слов и словосочетаний (или лексических единиц), определить взаимопересекаемость (и как ее составляющая – асимметричность) парадигм форм и значений *биологического пола*.

Вопрос о том, что *пол* говорящего является весомым фактором в коммуникативных отношениях, занимал исследователей-языковедов давно. Это направление в языкознании в последнее время становится все более актуальным, в связи с развитием и распространением так называемого феминистического движения. К исследованиям, к которым проявляет интерес «феминистическое языкознание» (*feministische Linguistik*) [1] относят, среди прочего, и исследование языковой системы с точки зрения *полярности*, которую создают оба пола, и языковой *ассимиляции* женщины в эту систему. Вопросы, которые возникают при этом, таковы:

- 1) Используют ли мужчины одной определенной языковой общности язык, отличающийся от языка женщин? Если дается положительный ответ, тогда необходимо изучить данное явление в плане того объясняется ли это структурой конкретного языка, как утверждает теория Сапира, согласно которой язык определяет образ мысли, или просто отражается языковое общение членов одной языковой общности на основе тех условий, которые преобладают в ней [2].
- 2) Может ли какой-нибудь язык характеризоваться как *sexist*, т.е. существует ли предвзятость, предубеждение к одному из двух полов, главным образом к женскому полу, или же сами люди, использующие данный язык, таким образом, выражают свои определенные позиции по отношению к мужчине или к женщине [3]?

Никто не оспаривает тот факт, что существуют определенные различия между двумя полами. Мужчины, в среднем, имеют более развитые мышцы, больший вес и силу. Женщины созревают раньше и живут дольше. Женский голос отличается от мужского, и девочки, как правило, чаще лучше успевают в языковых дисциплинах, чем мальчики [4].

Но стоит, однако, признать, что некоторые из этих отличий объясняются социальными факторами. По мнению некоторых – женщины живут дольше мужчин по причине той роли, которую они выполняют в обществе, а также той деятельности, которую они осуществляют в соответствии со своей профессией.

В образовательных концепциях греческой, как впрочем, и славянской языковой традиции *пол*, как правило, отсутствует. Доминируют «*μαθητές – ученики*», «*σπουδαστές – учащиеся*», «*φοιτητές – студенты*» «*δάσκαλοι – учителя*» и «*καθηγητές – преподаватели*». В обыкновенных школах ставка делается, в основном, на мальчиков, даже учебники некоторые пишутся «с мужской точки зрения», а значит, особенности девичьего восприятия не учитываются.

Предубеждения по отношению к женщине существуют во многих обществах с древних времен и продолжают, в качестве социальных стереотипов, оставаться и по сей день. Вот несколько показательных примеров. В отрывке, который приписывается Пифагору, создание мужчины связано с *порядком* и *светом*, в то время как создание женщины – с *хаосом* и *тьмой* (ср. восточный вариант: мужское начало ЯНЬ ассоциируется с *югом, светом, жизнью, небом, солнцем, деревом, огнем*, в то время как женское начало ИНЬ – с *севером, тьмой, смертью, землей, луной, металлом и водой*).

Оскар Уайлд считал, что «женщины представляют собой декоративный пол. Никогда у них нет ничего, что сказать, но, тем не менее, говорят *это* изящно, с достоинством». Сравните приемы и способ представления двух полов в СМИ [5].

Голландские специалисты, например, этому тонкому вопросу посвятили серьезное исследование, в результате которого были обнаружены весьма любопытные факты. Оказалось, что в среднем общая порция женщин и мужчин, которых можно увидеть в новостях или общеполитических программах составляет соответственно 22% и 78%. Среди мужчин больше репортеров, экспертов и дикторов. У представителей сильного пола чаще берут интервью на улицах, их больше упоминают в спортивных новостях.

Если представление мужчин складывается из фамилии, занимаемой должности и даже места работы, то женщин часто называют только по имени, не вспоминая фамилии. Неформальное обращение к женщи-

неформально усугубляется и специфическим расположением телекамеры: чаще всего их снимают как бы свысока, в то время как мужчин снимают снизу-вверх, что создает впечатление большей важности.

Кроме того, женщин принято снимать в домашних условиях, а мужчин – на рабочем месте. В результате у мужчин складывается более деловой имидж. А в сериалах часто показывают ситуации на рабочем месте, в которых женщины фактически не занимаются работой. Популярна в них также роль женщины-жертвы или страдальницы.

Предубеждения по половому признаку наблюдаются и со стороны ученых, которыми были исследованы различия в языке мужчин и женщин. Характерны мнения известных лингвистов Отто Есперсена и Эдварда Сапира. Первый высказался о «слабости» (weakness) женщин [6], в то время как второй, изучая язык поотка, зачислил разговор женщин в категорию «аномальный тип говорения» (abnormal types of speech) [7].

Филологи XVI–XVII вв. подчеркивали, что мужской род более значителен, чем женский, перенося общественное мнение и взгляды своей эпохи в грамматическую плоскость. Автор одного грамматического пособия по английскому языку, которое было опубликовано в 1967г. подчеркивает на основании изучения артикля, что «с точки зрения грамматики мужчины более значимы, чем женщины» («Grammatically men are more important than women») [8].

Исследования, проводимые среди студенток Критского университета (Греция) в 1990 году показали, что около 80% пока еще не освобождены от социальных стереотипов, действующих в ущерб по отношению к женщинам [9]. Это утверждение можно относить также и к новогреческой лексикографии, излишне страдающей от *гендерного* синдрома.

Любопытна практика подбора и составления слов в словарях. В качестве основной формы приводится существительное мужского рода, а следом – женского. Толкование обычно начинается так: «*тот, кто... (который...)*» и редко – «*тот или та... (который или которая...)*». Слово ο δακτυλογράφος объясняется так: «*тот, кто пишет на печатной машинке*», несмотря на то, что эта профессия, как правило, женская (ср. русс. *машинистка* – η δακτυλογράφος, у слова *машинист* другой смысл). Изучая лексический состав языка, можно выделить ряд показательных примеров – лексических единиц, относящихся только к мужскому роду. «Формой мужского рода, – отмечает академик В.В.Виноградов, – подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [10]. Словам ο ληστής – *разбойник, бандит*; ο απατεώνας – *обманщик* в словарях дается объяснение: «*тот, который обманывает других*», но ведь может быть и «*та, которая...*»; ο τρομοκράτης – *террорист* (правда, в последнее время стало «неуверенно» появляться и слово η τρομοκράτισσα – *террористка*). И, наоборот, при определенной части наименований профессий лиц женского пола нет названий профессий лиц мужского пола: η μανικιούριστα – *маникюрша* η νταντά – *няня*.

В последнее время, когда многие профессии и должности впервые стали доступны женщинам, некоторые слова мужского рода стали приобретать способность сочетаться с согласуемыми словами не только мужского, но и женского рода. Однако, до сегодняшнего дня не был сделан подробный анализ новогреческой лексики с тем, чтобы определить степень «предвзятости» по отношению к женскому и мужскому (в меньшей степени) полу. Но даже при первом предварительном рассмотрении можно сделать выводы о том, что и в новогреческом языке происхождение и формирование грамматического рода не является лишь случайным результатом языкового развития. На него оказывали влияние социальные и психологические факторы, исторические и культурные традиции, а также анимистические (религиозные) предрассудки и суеверия.

На о.Тилос (Додеканесские острова) слово ο Βοριάς – *Борей* (северный ветер), по мнению жителей, передается по мужскому роду потому, что он «очень мужественный, стойкий, искренний» в отличии от слова ο Νοτιάς – *Нотьяс* (южный ветер), который считается «непоседливым» и олицетворяет *сырость, сырую погоду* и поэтому квалифицируется как женский род – η Νοτιά – *Нотья*. Сильные и величественные звери и птицы относятся к мужскому роду: ο αετός – *орел*, ο ελέφας (ελέφαντας) – *слон*, ο λέων – *лев* (хотя в новогреческом койне сейчас используется то же самое слово в среднем роде – το λεοντάρι). В то же самое время, маленькие, хитрые, неприятные звери относятся к женскому роду: η αλεπού – *лиса*, η σουπίά – *каракавица*, η αράχνη – *паук*, η κατσαρίδα – *таракан*. Впрочем, у животных и птиц широко используется также и средний род: το γατί – *кот*, το σκυλί – *собака*, το котσόφι – *черный дрозд* и др.

Для патриархальной структуры современного греческого общества характерным является то, что в некоторых районах Греции *детьми* являются только *мальчики*, в то время как *девочки* являются просто *дочерьми* или *девушками*. Примечательно, что фраза «έχω δύο παιδιά και τρία κορίτσια» – «*у меня есть двое детей и три девочки*» исходит к I–II вв. н. э. [3]. Даже лексически нейтральные высказывания типа «Έχει πέντε γιούς» ή «Έχει πέντε κόρες» – «*Имеет пятеро сыновей*» или «*Имеет пять дочерей*» напоминают нам общественные стереотипы, известные многим народам о несчастном отце второго случая. Для того, чтобы не показалось, что это явление обусловлено менталитетом современных греков, греческий филолог-исследователь Х.Хараламбакис приводит текст папируса I века до н.э., письмо одного простолудина, в котором он поручает, даже приказывает своей беременной жене: «Εάν πολλά πολλών τέκνης, εάν ην άρσεων, άφες, εάν ην θήλεα έκβαλε» смысл которого сводится к тому, что «*Если родятся мальчики, то оставишь их, если родятся девочки – избавишься от них*» [3].

В современных греческих словарях [15, 16, 17, 18, 19, 20], как правило, не записывается полностью значение некоторых слов, имеющих иронический оттенок по отношению к женщинам. Это видно на примере существительного το γραδιάτιο – *вексель*, широко известное в переносном значении, как *незамужняя дочь*. Негативные проявления к женскому полу очевидны и в других словах, употребляющихся без точных

соответствий для мужского пола, но имеющих «мужскую» составляющую морфему «ανδρ-», например, επανδρώνω – *укомплектовывать*, η επανδρωση – *укомплектование* выражали вначале размещение экипажа на корабле, но в современном языке смысловая нагрузка этого слова несет значение формирования персонала любого коллектива, в числе которых могут быть исключительно женщины.

Нелогичность языковой недостаточности или отсутствия соответствующего термина, который включал бы в себя и женский пол видно на примере составного прилагательного αυτανδρος, обозначающего *кораблекрушение и гибель экипажа с пассажирами*, которое образовано от существительного ο ανδρας – *мужчина*. «...το κότερο βυθίστηκε αυτανδρο – *судно утонуло вместе со всеми людьми*» (сообщение в газете), и далее продолжается, что *среди жертв бурного шторма были и две женщины*. Приведем сравнение двух диалектных образований от существительных η γυναικα – *женщина* и ο ανδρας – *мужчина*. Если то γυναικακι – *щуплая замухрышка; невидная, серая женщина*, то существительное το ανδρακι не всегда употребляется в отрицательном значении «*мужчинка*», а чаще означает вполне достойные – «*мужичок*», «*мужик*». Существительное η γυναικοφιλια, (буквально «женская дружба») означающее *ненадежность и непрочность* в дружбе также имеет «женскую составляющую» морфему. Большинство значений, которые произошли от слова γυναικα – *женщина*, несут отрицательную смысловую нагрузку. Любопытны пояснительные примеры, которые приводят по этому поводу лексикографы. По мнению Х.Хараламбакиса, влияющие общественные стереотипы, отражающих социальные процессы в обществе, и, как следствие, фиксацию и помещенные в словари такого большого количества слов с отрицательными характеристиками, нередко связано с предвзятостью и предубежденностью по отношению к женщинам со стороны мужской половины человечества, которые зачастую и являются, в основном, составителями этих трудов [3].

Если сравнивать толкование слов ανδρας – *мужчина* и γυναικα – *женщина* в Историческом словаре Афинской академии, можно убедиться, что значение этих слов даны в разных фразах, поговорах, характеризующих ущербность женщины, общественное предубеждение и предвзятость по отношению к женскому полу. Примеров с положительным значением слова *женщина* встречаются очень редко: γυναικα προκομένη – *трудолюбивая (преуспевающая) женщина*, αξιο γυναικα – *достойная (стоящая) женщина*, σωστή γυναικα – *правильная женщина (настоящая)*, явно преобладают отрицательные значения и проявления: παρδαλές γυναικες (ελευθερίων ηθών) – т.е. *безнравственные (аморальные) женщины* (свободных нравов); η γυναικα έβαλε το διάβολο στο μπουκάλι (ως λίαν πανούργος) – *женщина закупила черта в бутылке* (т.е. очень хитрая, лукавая); η γυναικα είναι εφτάψυχη (δια την αυτοχή της) – *у женщины семь душ (жизней)* (из-за ее выносливости); ο Θεός να σε φυλάει από κακή γυναικα – *храни тебя Господь от плохой женщины*.

Достаточно недвусмысленны и поговорки жителей ряда островов Эгейского моря: «Κομάτιν άντρας, ολάκερη γυναικα» (της γυναικος ανώτερος ο ανήρ). – *Часть мужчины стоит целой женщины* (т.е. выше женщины должен быть мужчина; видимо под влиянием библейского толкования о появлении женщины), – о. Карпатос; «Αντρας καλός, μα έχει γυναικα κακιά» – *Хороший муж, но жена стерва*; «Αντρα μου βοήθειά μου και σκέπη και χαρά μου» (ο σύζυγος είναι простάτης και καύχημα της συζύγου). – *Муж мой – моя помощь, моя крыша, мое счастье* (т.е. муж является покровителем, защитником, кормильцем и гордостью жены), – о. Псара.

На о. Кефалонья известна такая поговорка: «από θηλυκό να ζει κάλλιο σερνικό κι аς πεθάνει» – *из двух полов лучше живет мужской, пусть, даже если и умрет* – и комментарий редактора-составителя: «Настолько мужской пол в общественном мнении преобладает над женским, что многие родители предпочитают вместо дочери сына, даже если и предстоит тому недолго жить» [3].

Из всего сказанного видно, что существуют проблемы, которые связаны отношениями языка и биологического пола. Если принять во внимание, что язык, как одна из форм общественного поведения, просто передает социальные позиции, тогда нужно признать, что не язык относится предвзято к женскому полу, но сами люди, которые его используют. Такие языки как китайский, японский, персидский, турецкий, грузинский и некоторые другие не делают отличий по половому признаку, которые существуют в греческом, русском или немецком языках. Это, однако, не означает, что мужчины, которые говорят на этих языках, менее предвзяты, чем скажем русские, греки или немцы по отношению к женщинам.

Фактор половой принадлежности и впредь будет влиять на язык, поскольку половые различия, как с биологической, так и с социальной точки зрения сохраняются и передаются из поколения в поколение. Демократические перемены в обществе и действительное равенство между мужчиной и женщиной, возможно, приведут и языки, в том числе и греческий к соответствующим изменениям, который будет адаптироваться к ним.

Источники и литература

1. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch, 3 τόμοι. – Heidelberg, 1984–1985.
2. Sapir E. Language. An introduction to the study of speech. – New York, 1921.
3. Χριστόφορος Χαράλαμπάκης. Νεοελληνικός λόγος/ Μελέτες για την γλώσσα τη λογοτεχνία και το ύφος. Γ' Έκδοση. – Αθήνα, 2001. – 381 σ.
4. Петренко О.Д., Исаев Е.Ш., Петренко Д.О. Мова чоловіків і жінок як одиниця соціолінгвістичного дослідження. – Київ: Мовознавство. – №1. – 1999. – С. 64–70.
5. Smith P.M. Language, the sexes and society. – Oxford: Basil Blackwell, 1985.
6. Jespersen O. Language. Its nature, development and origin. – New York, 1922.
7. Sapir E. Abnormal types of speech in nootka. – Berkeley. 1915. – P. 179–196.

8. Penalosa F. Introduction to the sociology of language. – Rowley, Mass: Newbury House Publishers, Inc, 1981.
9. Δεληγιάννη – Κουϊμτζή Β. Τα στερεότυπα για τους ρόλους των δυο φύλων στα εγχειρίδια του δημοτικού σχολείου «Н γλώσσα μου». – Α.: Φιλολόγος, 1987. – Σ. 229–248.
10. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Учпедгиз, 1947.
11. Одинцов В.В. Лингвистические парадоксы. – М.: Просвещение, 1988. – 172 с.
12. Τριανταφυλλίδης Μ. Νεοελληνική γραμματική. – Θεσσαλονίκη, 1993. – Σ. 215–222
13. Τάκης Νατσούλης. Λέξεις και φράσεις παροιμιώδεις. – Αθήνα: ΣΜΥΡΝΙΟΤΑΚΗΣ, 1983. – 669 σ.
14. А.Д. Вейсман. Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. – М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
15. И.Х. Хориков, М.Г. Малев. Новогреческо-русский словарь / Под редакцией П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. – М.: Русский язык, 1980. – 856 с.
16. Ν.Π. Αντριώτης. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Τρίτη έκδοση με διορθώσεις και προσθήκες του συγγραφέα – Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο νεοελληνικών σπουδών (Ίδρυμά Μ. Τριανταφυλίδη), 1992.
17. Μείζον ελληνικό λεξικό. Ορθογραφικό, Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων, Αντιθέτων, Αρκτικολέξεων, Κυρίων ονομάτων. Δεύτερη έκδοση. Τεγόπουλος - Φυτράκης, Διεύθυνση σύνταξης Μαρία Μαντάλα. – Αθήνα: ΕΚΔΟΣΕΙΣ ΑΡΜΟΝΙΑ Α.Ε., 1997. – 1494 σ.
18. Εμμανουήλ Κριάρα. Νεο ελληνικό λεξικό της σύγχρονης δημοτικής γλώσσας. Γραπτής και προφορικής, Ορθογραφικό, Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Συνωνύμων, Αντιθέτων, Κυρίων ονομάτων. – ΕΚΔΟΤΙΚΗ ΑΘΗΝΩΝ Α.Ε., 1995. – 1587 σ.
19. Α. Γεωργοπαλαδάκου. Μονοτονικό ορθογραφικό λεξικό της νεοελληνικής γλώσσας. – Θεσσαλονίκη: Δ' έκδοση. ΜΑΛΛΙΑΡΗΣ – ΠΕΔΕΙΑ Α.Ε, 1993. – 657 σ.
20. Γεώργιος Παπαγεωργίου. Ορθογραφικό και ερμηνευτικό λεξικό της δημοτικής, μονοτονικό. – Α.: ΕΚΔΟΣΕΙΣ ΓΙΑΝΝΗ ΟΙΚΟΝΟΜΟΥ, 1995.
21. Γεώργιος Μπαμπινιώτη. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Ορθογράφικό, Συνωνύμων – Αντιθέτων, Κυρίων ονομάτων, Επιστημονικών όρων, Ακρωνυμίων. – Αθήνα: Β' έκδοση. ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΚΟΛΟΓΙΑΣ, 2002.

Храбскова Д.М.

ΜΟΒΑ ЯΚ ЧИΝΝΙΚ ΒΙΝΙΚΝΗΝΝΙΑ Ι ΦΟΡΜΑ ΡΕΑΛΙΖΑЦΙЀ ΚΥΛΤΟΥΡΙ ΤΑ ΕΤΝΙΧΝΟΓΟ САΜΟΒΙΖΝΑЧЕНΝΙΑ НАΡΟДУ

Βудь-яка мова становить надбання даного колективу, а отже є явищем суспільно-історичним. Ж.Перо розглядає її як „певний тип соціального інституту, систему довільних знаків, існування котрої має сенс лише за умови спільної згоди та колективного використання” [13, с. 116]. Неогумбольдтианство трактує мову як історичну спадщину колективу, що передусім становленню матеріальної культури і далі продовжує взаємодіяти з нею; як умову розвитку людської культури в загальному розумінні. Ствердження того, що мова і культура взаємопов'язані, вважається безперечним, навіть за обставин, коли, наприклад, Е.Сепір не визнає справжньої причинної залежності між культурою і мовою. Культуру він трактує як те, що суспільство робить і думає; мову – те, як думають. „Важко визначити, – підкреслює американський етнологіст, - яких особливих причинних залежностей між відібраним інвентарем досвіду (культура як ціннісний вибір суспільства) і тим особливим прийомом, за допомогою якого суспільство виражає різний свій досвід, можна очікувати”⁷ [6, сс 171]. Не викликає сумнівів лише те, що культура відбиває план змісту знакової системи мови. Проте мова і культура – компоненти, за відсутності яких неможливе формування складної семіотичної системи асоціативно-ієрархічного багаторівневого типу [5, с. 5], тобто етносу. Під етносом розумітиметься єдність ідіомів „плем'я – народність – нація”, а отже „історично складена на певній території стійка сукупність людей, які володіють спільною (але ж не обов'язково єдиною) мовою, деякими спільними відносно стабільними особливостями культури і психіки, а також спільною самосвідомістю зафіксованою в етнімі” [3, с. 392].

Культура являє собою сукупність виробничих, суспільних і духовних досягнень людей. Однак спільні досягнення можливі лише за наявності спільної мови. Тому, в деяких контекстах, терміни „культура” – „мова” – „етнос” виступають як синоніми: давньогрецька культура, шумерська культура; нашестя дванадесяти мов (про армію Наполеона I) [7, с. 902]. Цікавий приклад впливу фонетичних навичок на процес ототожнення мовців за етнічною ознакою наводить Р.Белл в своїй „Соціолінгвістиці”, нагадуючи про трагічні події біблійських часів і звертаючи читачів до Книги Суддів (розділ 12): „И засАдѣ Галаада прохды у Йордана Єфремовы и бысть егда рѣша уцѣлѣвши ѿ Єфрема: преїдемѣ: и рекоша имѣ мѣжи Галаадстїи: еда ли ѿ Єфрема вы; и рѣша: нѣмы. И рѣша имѣ: рцѣте, класѣ⁸, и не управиша рецѣи такѡ: и имаху ичѣ, и закалаху у преходѡѣзѣ Йорданихѣ и падоша в то время ѿ Єфрема четьредесАть и двѣ тысАщы.” Фонетика і акцентологія нерідко містять в собі вельми цінні факти для рішення етногенетичних проблем. Е.М.Андрієвська підкреслює, що внаслідок численних наукових досліджень визначено факт притаманнос-

⁷ Цитується за М.П. Кочерганом

⁸ клас – потік, на івриті: [шибболет]; ефремляни вимовляли як [сибболет].